

По поводу книги Т.А. Моллаева «Новый взгляд на историю осетинского народа»

Публикуем рецензию д.и.н. профессора Ф.Х. Гутнова на брошюру г-на Тахира Моллаева (работника Национального парка «Приэльбрусье», бывшего заочника-филолога КБГУ), «[Новый взгляд на историю осетинского народа](#)». Редакция особо отмечает, что пантюркистская тенденция никогда в нашей науке не имела ни авторитета, ни поддержки.

Хорошо известно, что Кавказ является одним из самых многонациональных регионов мира. Этническая психология и самосознание горских народов, отмечают в этой связи В.И. Марковин, В.А. Кузнецов и И.М. Чеченов, неразрывно связаны с их историей. Свойственное кавказцам уважение к предкам, особенности общественного и культурного развития обусловили специфику менталитета, тяготеющего к истории. Все это определяет повышенный интерес населения к результатам исторических исследований. Как справедливо отмечают специалисты, история, без преувеличения, «стала инструментом этнокультурной самоидентификации народов, она в немалой степени формирует общественное сознание».

К сожалению, в последнее время появилось немало количество статей, книг, диссертаций, страдающих декларативными заявлениями, поверхностными рассуждениями, тенденциозными выводами.

На фоне общего кризиса российской науки (сокращение финансирования, ослабление и разрыв связей, потеря квалифицированных кадров и т.д.), падения престижа социальной роли ученого «стал совершенно очевиден обратный негативный процесс реанимации и наступления сил, враждебных подлинной науке» (Кузнецов, Чеченов). Псевдонаука склонна к сенсациям, «решительной перестройке науки и ее практических положений».

Перечисленные черты являются характерными для книги Т.А. Моллаева «Новый взгляд на историю осетинского народа» <http://www.parliament-osetia.ru/index.php/main/analytics/art/1413> (Нальчик, 2010). С первых страниц на читателя буквально обрушивается вал сенсационных открытий в древней и средневековой истории осетин. Здесь же отметим, что в «новаторских» поисках истинной истории осетин наш автор не одинок. К аналогичным проблемам обращался врач из Назрани, осетинский «краевед» из Москвы и вот теперь – работающий в «сфере туризма» Тахир Моллаев. Удивительно, как, не имея профессиональной подготовки, люди берутся за сюжеты из прошлого осетин. И при этом обещают «развенчать результаты прежних исследователей» и показать истинную историю [наконец-то] осетин.

Но Моллаев пошел еще дальше: в его понимании истории, как таковой, в природе нет и в помине. «История – не наука [?], — бойко утверждает он, — а объект изучения науки [?], которую можно было назвать 'историологией'. Но таковой на самом деле нет».

«Кто такой просто историк?» — задает он риторический вопрос. И сам же отвечает: «Только более или менее эрудированный индивид, посредник для передачи некоей заученной информации [а она — то откуда берется? – Ф.Г.] – обычный рассказчик, не обладающий необходимыми научными критериями и инструментами для научного изучения прошлого. Вот кто такой просто историк».

Трудно дойти до истины в этом лабиринте мысли. Ясно лишь одно – истории в традиционном понимании этого термина – нет. На этом можно было бы опустить занавес. Но восстановленное «новыми методами» прошлое осетин содержит столько небывлиц и «революционных» открытий, что оставить все это без внимания никак нельзя.

Начиная с лингвистики, наш автор тотально отрицает даже самую возможность какого-либо отношения осетинского языка «к языку восточно-европейских, казахстанских или же сибирских скифов; по объективным причинам [каким?] их никогда было». Дальше – больше: «попытки объяснять скифские слова на основе осетинского языка можно квалифицировать как вид досуга чисто развлекательного характера». Затем следует «неоспоримый» вывод: использование осетинского языка для объяснения скифских текстов «к серьезной науке никакого отношения не имеет».

Вообще в первом разделе с симптоматичным названием «Отрицание» в сюжетах, связанных со скифами, Моллаев предстает в полной красе. В качестве аргумента для своих новаторских идей он использует книгу Бушкова «Чингисхан. Неизвестная Азия» (2007). Книга действительно «интереснейшая и познавательная», но все же – это не исторический источник и не историческое исследование. Стиль изложения самого Моллаева оставляет желать лучшего: «на полном серьезе», «аляповатая палочка-выручалочка», «изобретенная или надуманная терминология», «наглейший произвол», «достойный уровня иранистов», «бессмысленное и ложное определение» и т.д. Все эти и другие примеры оформления мыслей Моллаева больше напоминают уличную перебранку, нежели научную дискуссию.

Однако вернемся к языкознанию и использованию научных разработок лингвистов в реконструкции этносоциальных процессов скифских племен.

Приведем пример из последних исследований иранистов. В первую очередь назовем монографию Т.Т. Камболова «Очерк истории осетинского языка». Солидная по содержанию и объему книга отнюдь не первая его работа. Высокую оценку специалистов получили переводы Камболова исследований дореволюционных и современных лингвистов: «Осетинские исследования» А.М. Щегрена, сборник статей крупных иранистов Ж. Грисвара, Ж. Дюмезиля, А. Йосида, А. Кристоля, К. Вьеля — «Эпос и мифология осетин и мировая культура», работу известного французского антрополога и лингвиста Ж. Шарашидзе «Индоевропейская память Кавказа» и др. Здесь же добавим, что Камболов — доктор филологических наук, профессор, декан факультета международных отношений университета, заведующий кафедрой ЮНЕСКО пединститута.

В монографии Камболова рассматриваются исторические обстоятельства формирования осетинского языка. Автор использовал практически весь известный на сегодняшний день скифский, сарматский и аланский языковой материал. В книге обобщены и проанализированы научные гипотезы и теории в области исторического языкознания, появившиеся за два последних столетия. Это позволило Камболову предложить новые решения ряда дискуссионных проблем истории осетинского языка.

В книге детально проанализирован «аланский языковой материал»: Зеленчукская надпись, аланские фразы в «Теогонии» византийца Иоанна Цеца; аланский след в венгерском именнике и в языке в целом. Интересен комментарий Камболова к сенсационной находке конца XX в. — заметкам на полях рукописного ветхозаветного текста, обнаруженным датской исследовательницей С. Энгберг в Библиотеке Академии Наук в Санкт-Петербурге. Заметки выполнены на аланском языке.

Вопреки современной историографии, Моллаев отрицает даже самую возможность контактов скифов с племенами Центрального Кавказа как на равнине, так и в горной полосе. Но и здесь — лишь голословные утверждения.

Проблема скифо-кобанских взаимоотношений имеет обширную историографию. В настоящее время доминирует точка зрения, согласно которой скифы освоили не только предгорья, но и высокогорные районы по обоим склонам Главного Кавказского хребта. В Верхнем Притеречье присутствие кочевников фиксируется по предметам скифского и «скифо-кобанского» облика. Аналогичные находки отмечены на городищах «Эльхоты ком» в 3-х км юго-восточнее с. Эльхотово; «Парстаг» к востоку от этого же села; «Дур-Дур III» на левобережье одноименной реки; на поселениях «Змейское» и «Сухая балка» на юго-западной окраине Владикавказа. Поселения и городища скифского времени расположены небольшими группами на естественных возвышенностях у слияния рек Урух и Терек, Гизельдон и Терек. С непосредственным присутствием скифов связаны грунтовые могильники на правом берегу Терека у владикавказского кадетского корпуса, у с. Карца; курганы: у селений Чикола, Красногор, Сунжа, Брут, на юго-западной окраине Владикавказа.

Разнообразные скифские предметы найдены у сел. Кумбулта, Чми, в Казбекском кладе, а в Южной Осетии — в большом кобанском могильнике у сел. Тли.

Находки предметов скифского типа в горной полосе Северной Осетии в последние годы составили внушительную коллекцию. Большинство из них не введено в научный оборот. «Однако картографирование предметов скифской культуры в Верхнем Притеречье позволяет определить интенсивность и особенности взаимодействия скифской и кобанской культур в VII-IV вв. до н.э.

Принципиальную позицию в данном вопросе занимает В.Б. Ковалевская: «Северный Кавказ — это не периферия скифского кочевого мира, а метрополия, и связи скифов на северокавказской почве не далекие и спорадические, а отношения ближайших соседей». Скифов и кавказцев связывают «союзные отношения — возможное участие кавказцев в скифских военных походах... ведущая роль скифов в этих взаимоотношениях безусловна» (Ковалевская). Столь же определенно высказались М.Н. Погребова и Д.С. Раевский: «для интересующей нас эпохи зоной обитания скифов следует считать в первую очередь и по преимуществу степи Предкавказья, служившие на всем протяжении VII в. до н.э. плацдармом для их походов в Переднюю Азию»

Длительное пребывание скифов на Кавказе сопровождалось, по данным Погребовой, «достаточно интенсивным внедрением этих воинов в местную среду». В VII-V вв. до н.э. скифские элементы на Северном Кавказе становятся настолько интенсивными, что налагают отпечаток на общий облик местной материальной культуры, придавая ей, по определению Е.И. Крупнова, «скифоидный характер». «Невозможно переоценить скифское влияние на Северном Кавказе» — отмечают в этой связи В.И. Марковин и Р.М. Мунчаев. Это влияние отразилось в материальной культуре и в похоронном обряде. С другой стороны, результатом оживленных контактов и связей степняков с населением Северного Кавказа стало появление у них типично кобанских элементов (Markowin, Muntschajew; Пиотровский; Ильинская, Тереножкин; Чеченов; Атабиев).

Специалисты (Пиотровский; Иессен; Крупнов; Ильинская, Тереножкин и др.) выделяют «группу выдающихся по своему значению памятников VII — VI вв. до н.э.» из окрестностей Моздока Северной Осетии. Синтез скифов с кобанцами в зоне Центрального Кавказа — важный этап в формировании предков осетин (см.: Уварова; Пиотровский; Иессен; Алексеева;

Крупнов; Гаглойти; Техов).

В целом в оценке характера взаимодействия степняков и кобанцев археологи разделились на 2 группы. Одни (Ковалевская, Погребова; Раевский и др.) говорят о своеобразном «разделении труда» между скифами-воинами и кобанцами-ремесленниками в условиях, оцененных как межэтнический симбиоз. Другие (С.В. Махортых, С.Л. Дударев и др.) отстаивают идею межэтнического синтеза скифов с кобанцами, слиянии, породившем новые этнообразования.

Неприятие и возмущение вызывают у Моллаева результаты исследований отечественных и зарубежных иранистов. Особое возмущение («легковесная гипотеза»; «ложная интерпретация») у него вызвали аналитические работы тех исследований, которые подтверждают ираноязычную принадлежность алан, прямых предков средневековых осетин. В своем агрессивно-наступательном стиле Моллаев буквально штампует некорректные обвинения в адрес сторонников ираноязычности алан.

Моллаев активно использует труд древнегрузинского историка Леонтия Мровели. Явно преувеличено значение работы Леонтия (его работа названа «замечательной») в объяснении происхождения балкарцев и карачаевцев. Обращает на себя внимание тот факт, что генеологические и исторические предания об этногенезе балкарцев (в результате синтеза алан и тюрков) относятся к середине II-го тысячелетия, т.е. примерно на 500 лет позже жизни Леонтия Мровели. Это делает его работу бесполезной в реконструкции этногенеза балкарцев и карачаевцев.

Разгромную характеристику данному своду дал К.П. Патканов: «На каждом шагу чудовищные анахронизмы следуют за не менее чудовищными противоречиями до такой степени, что в первом отделе Хроники едва ли можно встретить хоть один факт, имеющий действительно историческое значение».

Критически относился к сведениям «Картлис Цховреба» (далее: КЦ) и В.Ф. Миллер. Называя свод «весьма мутным источником», ученый, например, обратил внимание на явное преувеличение фактов в рассказе о походе Горгасала против освов; «в этом пространном повествовании на долю исторической истины придется лишь несколько ничтожных крупиц».

Советский академик А.Е. Крымский в рукописном фундаментальном труде «Хазары» подверг критике древние разделы КЦ. «Настоящей во всех фактах правдивой истории, — писал Крымский, — мы не должны, конечно, здесь искать».

Фактическое освоение КЦ для древних периодов истории еще не завершено, хотя библиография об источнике (от публикаций М. Броссе в начале XIX в. до наших дней) очень велика. Советские специалисты (за исключением большинства грузинских кавказоведов) осторожно подходят к оценке интересующих их сюжетов КЦ. Известный исследователь генезиса феодализма в Закавказье А.П. Новосельцев отмечает: «я, за редким исключением, воздерживаюсь от обращения к материалам “Картлис цховреба” до VII-VIII вв.».

Нет нужды останавливаться на всех перлах брошюры «Новый взгляд на историю осетинского народа». Ее автор свою задачу видит не в написании достаточно полного и академического труда «с охватом многих интересных моментов по этому вопросу»; эту работу Моллаев великодушно отдает осетинским ученым. Свою часть работы он считает выполненной. Без ложной скромности он оценивает ее, как «логически аргументированную попытку обозначить... правильный взгляд на данный вопрос и обратить внимание думающих людей на реальное положение рассматриваемого вопроса».

Автор надеется, что его работа «встретит положительный отклик у тех, ... кто не ангажирован и, обладая ясным умом, всегда способен воспринять слог достоверного факта и верной логики».

Прочитав книгу, я невольно задумался: если кто-то не согласен с автором этого бестселлера, то он «не обладает ясным умом» и не способен воспринять умом слог верной логики».

... Что ж, простите меня, г-н Моллаев...

Феликс Гутнов, доктор исторических наук.